И.В. Логвинова

А.А. ФЕТ И М.П. ПОГОДИН*

Аннотация. Статья посвящена описанию взаимоотношений Фета и Погодина по материалам «Воспоминаний» Фета. Анализируется портрет Погодина как педагога и наставника, помощника студентов. В частности, речь идет о том, почему Погодин не оставил воспоминаний об этом русском поэте.

Ключевые слова: русская литература XIX века; А.А. Фет; М.П. Погодин; С.П. Шевырёв; Н.В. Гоголь; мемуары.

Logvinova I.V. **A.A. Fet and M.P. Pogodin**

Summary. The article describes the relationship between Fet and Pogodin based on the materials of Fet's «Memoirs». The author analyzes the portrait of Pogodin as a teacher and mentor, assistant to students. In particular, we are talking about why Pogodin did not leave any memories of this Russian poet.

Keywords: Russian literature of the XIXth century; A.A. Fet; M.P. Pogodin; S.P. Shevyryov; N.V. Gogol; memoirs.

Известно, что М.П. Погодин был знаком практически со всеми писателями и учеными своего времени. А.А. Фет какое-то

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 19–012–00310: Погодин М.П. Полное собрание историко-филологических трудов. В 9 томах. Т. 1–3.

© Логвинова И.В., 2020 DOI: 10.31249/litzhur/2020.49.03

время жил в его доме у Девичьего поля, когда Погодин готовил его к поступлению в университет, и еще год, будучи уже студентом. Известно, что первая публикация стихов Фета также связана с именами Погодина, которому он однажды принес свою «желтую тетрадь», Гоголя, который в то время гостил у Погодина и прочел стихи из этой тетради, и Тургенева.

В своих «Воспоминаниях» А. Фет пишет о том, что относился к Погодину с глубоким почтением и советовался с ним в важных делах. Например, в вопросе об экономии свадебных расходов: «Теперь, Михаил Петрович, – сказал я, – вы знаете все дело и всю материальную мою обстановку. Если частая переписка с невестой <Марией Боткиной> сблизила нас еще более прежнего, то понятно мое нетерпение увидеть невесту и сократить срок до свадьбы, отлагаемый только в силу окончания курса лечения больной. К этому привходит еще и то, что брачные расходы на чужой стороне можно уменьшить до того, что, сэкономив на этом предмете, можно возместить расходы заграничной поездки. В нерешительности прибегаю к вам, Михаил Петрович, и прошу дать мне совет»[1]. При этом воспоминаний об Афанасии Фете у Погодина нет, но есть статья о дальнем родственнике его, генерал-адъютанте Николае Васильевиче Шеншине[2], которого он ставит в один ряд с братьями Иваном и Петром Киреевскими, Брюлловым, Надеждиным, Грановским, Мейером и др. выдающимися людьми того времени. О том, почему Погодин не оставил воспоминаний о Фете, можно судить по сведениям, содержащимся в воспоминаниях самого Фета. Рассмотрим их подробнее.

Несмотря на глубокое почтение к Погодину, Фет показывает, как на деле со своим учителем и покровителем он не очень церемонился. Итак, 17-летний Фет знакомится с Погодиным: «На другой день мы были уже в кибитке и через Петербург доехали в Москву. Здесь, по совету Новосильцова, я отдан был для приготовления к университету к профессору Московского университета, знаменитому историку М.П. Погодину»[3]. Интересен портрет Михаила Петровича как учителя и экзаменатора: «Вместо всякого экзамена Михаил Петрович вынес мне Тацита и, снабдив пером и бумагой, заставил в комнате, – ведущей к нему в кабинет, перевести страницу без пособия лексикона. Не знаю, в какой степени удовлетворительно исполнил я свою задачу; полагаю даже, что

почтенный Михаил Петрович и не проверял моего перевода по оригиналу, но на другой день я вполне устроился в отдельном левом флигеле его дома»[4]. Фет решил, что Погодин не читал его сочинения, поскольку не заглянул в оригинал, в то время как Погодину и не нужно было смотреть в оригинал, так как он хорошо знал и переводил Тацита и опубликовал статью, ему посвященную (О Таците. Из Астова «Курса филологии» // Московский Вестник. 1827. № 13. С. 179–180), в которой рассуждает об особенностях стиля этого древнего историка.

Затем Фет описывает отношение свое и товарищей по учебе к Погодину: они между собой называли его «хромбесом» из-за его хромоты, а по ночам убегали через окно в кабак, поскольку Погодин ночами не спал и держал открытой дверь на лестницу. Потом Фет вспоминает, как на вступительном экзамене Погодин спросил у него о походах Петра Великого. Он блестяще поступил на юридический факультет университета и проучился там около двух недель. Интересно, что он довольно смело объявил после этого своему учителю:

«– Михаил Петрович, не откажите еще раз в вашей помощи. Я ненавижу законы и не желаю оставаться на юридическом факультете, а потому помогите мне перейти на словесный.

– Вот, вот, подумаешь, у теперешней молодежи какие разговоры! Ненавижу законы! Что ж вы, почтеннейший, беззаконник, что ли? Ведь на словесный факультет надо додерживать экзамен из греческого.

– Буду держать, Михаил Петрович.

– Да ведь вам надо сильно дорожить университетом, коли вы человек без имени. Я, почтеннейший, студентов у себя в доме не держу, но для вас делаю исключение до Нового года»[5]. Строгому Погодину, по-видимому, не нравилось то, что Фет так легкомысленно относился к своему будущему.

Кроме того, судить о юношеских стихах Фета он также предоставил более понимающему в этом человеку – Гоголю, который в то время жил у него. И стихи молодого поэта опубликовал в своем «Москвитянине» по просьбе С.П. Шевырёва: «Мои стихотворения стали ходить по рукам. Не могу в настоящую минуту припомнить, каким образом я в первый раз вошел в гостиную профессора истории словесности Шевырёва. Он отнесся с великим участием к моим

стихотворным трудам и снисходительно проводил за чаем по часу и по два в литературных со мною беседах. Эти беседы меня занимали, оживляли и вдохновляли. Я чувствовал, что добрый Степан Петрович относился к моей сыновней привязанности с истинно отеческим расположением. Он старался дать ход моим стихотворениям и с этою целью, как соиздатель "Москвитянина", рекомендовал Погодину написанный мною ряд стихотворений под названием: "Снега"»[6]. Эти стихи (семь стихотворений: «Я русский, я люблю молчанье дали мразной…», «Знаю я, что ты, малютка…», «Вот утро севера – сонливое, скупое…», «Щечки рдеют алым жаром…», «Печальная береза у моего окна…», «Кот поет, глаза прищуря…», «Чудная картина, как ты мне родна…») были опубликованы в журнале «Москвитянин», № 1 за 1842 г., за подписью «А. Ф.». Затем его стихи печатались в каждом номере. С.П. Шевырёв в 1844 г. опубликует в «Москвитянине» хвалебную статью о переводах Фета из Горация[7].

При этом Погодин относился к Фету как к студенту хотя и талантливому, но не выдающемуся. Вот, например, эпизод из «Воспоминаний», в котором Фет рассказывает о подарке Погодина: «Однажды, сходя к лекции, Шевырёв сказал мне на лестнице: "Михаил Петрович готовит вам подарок". А так как Степан Петрович не сказал, в чем заключается подарок, то я находился в большом недоумении, пока через несколько дней не получил желтого билета на журнал "Москвитянин". На обороте рукою Погодина было написано: "Талантливому сотруднику от журналиста; а студент берегись! пощады не будет, разве взыскание сугубое по мере талантов полученных. Погодин"»[8]. Сам А. Фет, вспоминая о тех, благодаря кому он вошел в литературу, больше внимания уделяет портретам Шевырёва, Толстого, Тургенева, своих товарищей, а о Погодине пишет не очень много и не так восторженно.

Возможно, это объясняется тем, что Фет расходился с Погодиным в идеологических установках. Вот как об этом пишет Б.Я. Бухштаб: «Одновременное сотрудничество Фета в "Москвитянине" и "Отечественных записках" как будто свидетельствует о политической индифферентности Фета. Эти два журнала стояли на двух флангах русской журналистики. "Москвитянин" был органом николаевской реакции, его издавали два столпа официальной идеологии в духе верности началам "самодержавия и православия".

В “Отечественных записках” Фет печатался в тот период, когда Белинский повел в этом журнале, в пределах цензурных возможностей, проповедь материализма, социализма и революции. Однако есть основания считать, что симпатии Фета были на стороне “Отечественных записок”, а не “Москвитянина”». Об этом свидетельствует опубликованный в 1940 г. памфлет, написанный Фетом в сотрудничестве с другим студентом[9]. «Памфлет этот вызван известным стихотворным доносом Михаила Дмитриева на Белинского под заглавием “Безыменному критику”, напечатанным в “Москвитянине” в 1842 году. Ответ Фета показывает, что на него в ту пору оказывали влияние идеи великого критика; он выступил на защиту Белинского. Фет писал:

Жалко племени младого,
Где отцы, ни дать, ни взять,
Как хавроньи, все, что ново,
Научают попирать!
.....
Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.
.....
Что вам Пушкин? ваши боги
Вам поют о старине
И печатают эклоги
У холопьев на спине»[10].

Хотя в дальнейшем Фет отошел от общественных идей, он не примкнул ни к какому лагерю: «…стихи 40-х годов посвящены почти исключительно природе и любви и совершенно чужды общественной тематике»[11].

«Воспоминания» Фета показывают, что М.П. Погодин был мудрым наставником и советчиком, дальновидным и терпеливым человеком, который помог Фету поступить в университет и даже перейти с одного факультета на другой, не отмахнулся от первых стихотворных опытов юного поэта, а передал его тетрадь на суд

сведущего в этом человека; в журнале Погодина были опубликованы и первые удачные стихотворения Фета.

---

1 *Фет А.* Воспоминания / Предисл. Д. Благого; Сост. и прим. А. Тархова. М.: Правда, 1983. С. 99.

2 *Погодин М.П.* Николай Васильевич Шеншин // Русская Беседа. Ч. 3. Кн. 11. 1858. Смесь. С. 137–138.

3 *Фет А.* Воспоминания. С. 67.

4 Там же. С. 67.

5 Там же. С. 69–70.

6 Там же. С. 93.

7 *Шевырёв С.П.* Переводы из Горация А. Фета // Москвитянин. 1844. Ч. 1. № 1. С. 27.

8 *Фет А.* Воспоминания. С. 96.

9 *Евгеньев-Максимов В.* Новонайденное стихотворение А.А. Фета // Ленинград. 1940. № 21–22. С. 34.

10 Цит. по: *Бухштаб Б.Я.* Фет // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 2. 1956. С. 248.

11 Там же. С. 248.